

Ермолкино

ПЕТО. Гастроля.

Гастроля Рижского театра русской драмы по РСФСР. Новые города, новые зрители, и каждый спектакль будто премьеры.

Ныче мы в Калугу, в городе Шолоховского. Парки, зеленые на улицах, цветы — все это точно в Риге.

Выезды... С вами трудновато: сто километров туда, выступления на маленькой сцене. И ночью сто километров обратно. Но есть и свои радости: маленькие уютные залы, полные внимательной тишины и искреннего восприятия. Иногда там «играется» совсем по-другому и неожиданно хорошо... Обнинск, Южнов, Серпухов, Можайск, еще раз Обнинск, Медведь, Суворово...

— Куда сегодня, Эвэлд?

— Ермолкино, — деловито отвечает водитель нашего старенького автобуса. — Дорога — прима. Солнце — слева.

Этот лаконичный ответ означает: до Ермолкино сто километров, дорога хорошая, солнце будет припекать левый борт автобуса — кто боится жары, садись справа!

Быстро убегает пригород, называемый лес, потом деревня. Новые дома стоят по соседству со старыми приплюснутыми избушками. Тут прошла война, но село уже давно отстроилось.

Вперед! — Ермолкино.

Что? Ермолкино?

— Была тогда зима, мороз под оврагом. Ночи в багряном зареве и грохоте. Овраг у деревни. Транссибирские нити огня над головой. Первые бои латышских стрелков с фашистами. Первые бои, первые жертвы и первые победы. Все, что впервые, запоминается на всю жизнь. Мы едем в Ермолкино? Но ведь Ермолкино на русской земле не одно...

Деревня. Еще деревня. Одна за другой они проплывают за окном автобуса. Но почему в моем воображении эти села кутаются в пелену снега? Почему липы над избами клубятся черными дымами пожаров?

Крутой поворот влево. Через пять минут — надпись «Ермолкино». Остановка. Овраг. Над ним величаво маячат бетонные «быки» будущего моста.

Веселой стайкой мимо проходят молодые — сегодня воскресенье, а путь их совпадает с нашим маршрутом — в дом культуры.

Спросить? Узнать? Убедиться?... Но они так молоды — им нет и шестнадцати. А это было 22 года назад.

— Друзья, скажите, во соседству с деревней Ермолкино есть, существует, была ли деревня Инутино?

— Да вот она — рядом. Ермолкино и Инутино.

— Дяденька, а вы не в нам?

— Вы артисты? Из Риги?

— У нас хороший дом культуры.

Что им сказать? Пока ничего. Пока только остро встало в груди. Как хочется объявить их всем и молча прижать к себе, но как объяснить им, с чего это?

А автобус, деловито ворча, медленно выбирается из оврага и через минуту устало останавливается у дома культуры. В распахнутую дверь хлынула музыка — танцы под духовой оркестр. Выходной...

Через минуту с помощью вахши же молодых спутников находим могилу — это двадцать шагов от парадного входа в дом культуры. Только двадцать шагов...

За металлической оградой, под ветвями лип и берез, высится строгий квадратный обелиск. На нем барельеф — склоненное знамя. Открываем ворота-решетку. Заходим. Братская могила. У подножия обелиска на мраморной доске надпись на латышском и русском языках: «Вечная слава героям-воинам 43-й Рижской гвардейской латышской стрелковой дивизии, павшим в бою за Родину в Отечественной войне 1941—1945 годов». По сторонам доски лежат венки с алхими лентами. «Вечная слава» — написано по-русски.

От кого? Кто побоялся об этом? Где же наши спутники?

Вот они. Их уже в два раза больше. Притихшие, настороженные, они стоят у ограды, пытаются понять, почему это дорогие артисты молчат так долго?

— Кто положил венки, ребята?

— Наши. Из детского дома. Они шифры тут.

Да. Это Ермолкино!

Отсюда, захоронив первых своих героев, дивизия латышских стрелков с боями ушла на запад. Много сел и деревень занесено в боевую летопись боевого пути дивизии. Верные традициям старых латышских стрелков, сражавшихся еще в гражданской войне, верные своим отцам, стрелков-латышей, они здесь в 1941-м ринулись в бой за Советскую Родину, за родную Ригу...

— Должно же вы от родины мест, — задумчиво говорит Эвэлд, прочитав надпись на родном языке.

— Далеко, — вторит кто-то.

— Да, тогда, в сорок первом, именно здесь и был первый бой за залезшую Латвию.

Тишина. Долгая тишина.

Кто-то уходит — пора готовиться к спектаклю. Только отходит и дитя. Еще тише стало. И азвук — музыка. У дома культуры. Вальс. Но что это?

...Вздыхают, жалуются, басы.

И словно в забытый, сидят и слушают бойцы —

Товарищи мои...

Музыка у дома культуры. Сегодня выходной. Замелькали платки девушек в вальсе, закружились пары. Выходной.

Так и должно быть. Только вот слезы на глазах...

...Сидят и слушают бойцы — Товарищи мои...

Нет, не слушают, они очень устали. Они из Риги, из Латвии... Устали здесь вечным сном товарищи мои...

Двадцать два года...

Тогда они были все рядом у оврага, рядом под сеткой транссибирских путей. И сегодня рядом, здесь, в братской.

...В лесу неслышным, невесомым

Слетает желтый лист...

Старинный вальс «Осенний сон»

Играет гармонист...

Спасибо тебе, гармонист. Другой музыки не найдешь в эту минуту. Океан чувств, мыслей, воспоминаний. Так может творить только самый гениальный режиссер — жизнь. Она привела нас сегодня сюда. Она уже зовет дальше, к делу, на сцену. Она же, волшебная, положила руками детей венки у обелиска, и она же, вселившая, руками рабочего воздвигла поля не многоэтажные корпуса будущих заводов за оврагом. Ермолкино.

СПЕКТАКЛЬ начался. Шумный зал затих. Мои друзья по сцене живут жизнью своих героев: одни ведут рассказ о горечи потерь и сладости надежд, другие ищут истоки помечтливших их счастья. Идет спектакль в доме культуры далеко от областного центра. Зал не тлеет. Это передается на сцену, и это — лучшая награда для исполнителей.

Последнее действие, занавес. Цветы. Директор дома культуры благодарит рижан за спектакль и сообщает залу, что слово предоставляется участнику спектакля, бывшему воину латышской дивизии, которая освобождала родное Ермолкино.

Предоставляется слово... легко сказать. Опять волнение, опять трудно...

— Дорогие ермолкинцы! Друзья! Во-первых, спасибо за то, что вы такие чудесные зрители. Нас тронула ваша чуткость к нашему труду, к любимой нашей работе.

И еще — низкий поклон вам от рижан-актеров, от латышского народа за вашу любовь и уважение к нашим воинам-землякам, павшим в бою за Советскую Родину.

Волной поднялся зал...

— Спасибо воспитанникам детского дома за цветы на братской могиле. Пусть расцветает Ермолкино!

— До свидания...

... ..

ПЕТИЯ ночь. Задремавший было старичок-автобус просыпается, фыркает и медленно идет по оврагу. Город провозжает нас огнями. Огни в окнах новых домов и в окнах старых, довоенных изб. Огни за оврагом над стройкой, как звезды. Ермолкино, медленно удаляясь, прощается с нами звездами огней.

Перед нами дорога. Ночь. Под звездами высокий лес. Наш автобус, почуяв ночную прохладу, чиркнул за мурлыкал и «лег на курс». За стеклом кабины водителя приглушенная песня.

Б. ДЗЕРУК.

заслуженный артист Латвийской ССР.

Ермолкино — Калуга.

печ. редакции: Рига, ул. Зв. Вейденбаума, д. № 25. Телефоны редакции: Для справок — Б 2-47-55; Зав. редакцией — Б 2-28-27 и Б 2-28-65; Пропанданды и науки — Б 2-97-25; Промышленности, транспорта — Б 2-58-65; Местной информации и спорта — Б 2-76-11 и Б 2-58-61; Пи — Б 2-58-20; Ночная редакция — Б 2-37-07 и Б 2-58-41; Отдел общ.

Типография № 2 «Советская Латвия»

Советская Латвия 1 0 СЕН 1963

г. Рига